

ПЛАТОНИЗМ КАК МОГУЩЕСТВЕННОЕ ДУХОВНОЕ ДВИЖЕНИЕ (по работе П.А. Флоренского «Смысл идеализма»)

Подвойский Леонид Яковлевич, кандидат философских наук, доцент

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: leonid.podv@gmail.com

В статье представлен анализ работы известного отечественного платоника П.А. Флоренского «Смысл идеализма» под ракурсом рассмотрения платонизма. Обращено внимание на сложность адекватного понимания того, что есть платонизм, несмотря на то, что сам термин известен всем образованным людям. Подчеркнуто большое значение платонизма для духовной культуры человечества.

Ключевые слова: Платон, П.А. Флоренский, античность, платонизм, идея, идеализм, эйдос, лик, имя, религия, мировоззрение, философия

PLATONISM AS A MIGHTY SPIRITUAL MOVEMENT (on the work of P.A. Florensky's "The Meaning of idealism")

Podvoyskiy Leonid Ya., Ph.D. (Philosophy), Associate Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: leonid.podv@gmail.com

The paper presents an analysis of the works of the famous Russian Platonist P.A. Florensky, "The Meaning of idealism" under consideration foreshortening of Platonism. Attention is paid to the complexity of an adequate understanding of what is Platonism, despite the fact that the term is known to all educated people. Emphasize the importance of Platonism for the spiritual culture of mankind.

Keywords: Plato, P.A. Florensky, antiquity, Platonism, the idea, idealism, Eidos, face, name, religion, ideology, philosophy

Один из крупнейших в XX в. отечественных исследователей философии античности в целом и Платона, в частности, А.Ф. Лосев, в свое время справедливо замечал, что «имя Платона является не просто известным, значительным или великим. Тонкими и крепкими нитями философия Платона пронизывает не только мировую философию, но и мировую культуру... Можно сказать, продолжает А.Ф. Лосев, что Платон оказался какой-то вечной проблемой истории человеческой культуры, и пока нельзя себе представить, когда, как, при каких обстоятельствах и кем эта проблема будет окончательно разрешена» [2, с. 3–4].

Известно, что выявлению смысла и сущности платонизма большое внимание уделял еще один крупный отечественный платоник – П.А. Флоренский (1882–1937) – и потому во многих его работах эта тема находит свое отражение. Особенно следует выделить две работы этого контекста его философский исследований – «Общечеловеческие корни идеализма» и «Смысл идеализма». Анализ содержания этих работ с некоторым допущением позволяет сделать заключение, что в них вместо слова «идеализм» вполне могло быть поставлено слово «платонизм» и тогда названия работ могли выглядеть так: «Общечеловеческие корни платонизма» и «Смысл платонизма» (тем более, что речь идет об объективном идеализме, родоначальником которого и является великий Платон).

Как отмечает исследователь русской философии О.Т. Ермишин, «в «Общечеловеческих корнях идеализма» Флоренский предельно сближал платонизм и идеализм, а мировоззрению Платона дал религиозное толкование... С религиозным смыслом платонизма Флоренский также связывал значение имени как мистической личности человека («сгустка благодатных или оккультных сил»). Магические действия жрецов, представление о влиянии мысли и слова на жизнь, вера в силу духа нашли отвлеченное теоретическое воплощение в диалогах Платона, в которых сделана попытка логически описать мистическое миропонимание древних греков» [1, с. 12–13].

Представляется, что далеко не случайно А.Ф. Лосев, оценивая вклад П.А. Флоренского в изучение платонизма, писал, что он «дал концепцию платонизма, по глубине и тонкости превосходящую все, что когда-нибудь я читал о Платоне. Его имя должно быть названо с теми пятью-шестью именами, которые знаменуют собой основные этапы понимания платонизма во всемирной истории философии вообще... Новое, что вносит Флоренский в понимание платонизма, это – учение о *лике* и *магическом имени*. Платоновская идея – *выразительна*, она имеет определенный *живой лик*» [3, с. 692–693]. Кстати, работа П.А. Флоренского «Смысл идеализма» имеет подзаголовок «Метафизика рода и лика».

Работа «Смысл идеализма» начинается с констатации того, что термин *платонизм* известен всякому и что явление, обозначаемое этим именем, есть типическое выражение внутренней жизни. В то же время, и в порядке историческом, и в отношении духовном, платонизм есть явление настолько сложное, что до сих пор историки мысли не привели его в ясность. Продолжая мысль П.А. Флоренского, можно заметить, что в отношении к Платону мы можем столкнуться с такой ситуацией, когда одни люди знают, что они его знают, не претендуя при этом на его вполне адекватное знание и понимание, а другие не только не знают, что они его не знают, но даже и не догадываются об этом. Иначе говоря, речь может идти как о глубине и объеме нашего знания Платона, так и о знании осознанном или неосознанном. Дело в том, что Платон настолько широк и глубок, что даже те, кто его знают, зачастую знают его всего лишь настолько, что могут, без всякого самоуничижения, используя знаменитую формулировку Сократа, признаться в том, что они знают, что они его не знают во всей глубине, а другие не знают и этого.

Таким образом, П.А. Флоренский вполне справедливо считает, что пока нет возможности говорить об адекватном понимании сущности и смысла платонизма. Поэтому он предлагает развернутую характеристику того, что представляет собой платонизм, исходя из того, что образованные, сведущие люди о нем уже знают. Итак, по его мнению, мы знаем, что:

- платонизм есть могущественное духовное движение;
- по крайней мере, половина философии, и притом половина прекраснейшая, связывается с именем Платона (*здесь под «прекраснейшей половиной философии» имеется в виду объективный идеализм – Л.П.*);
- львиная доля того, что только было великого в поэзии, так или иначе отразила лучи Платона;
- языки всех народов оказались пронизанными платоновскими терминами и платоновскими понятиями;
- в платонизме явились осознанными целые полосы, целые миры народной религии и общечеловеческого непонимания;
- из платонизма проростекли едва ли не все могучие течения в философии;
- он влился возбуждающей струей в религиозную мысль человечества;
- платонизм оказался мировоззрением наиболее подходящим к религии, как таковой, и терминология платонизма – языком более всего – приспособленным для выражения религиозной жизни;
- будучи естественной философией в с я к о й религии, платонизм имеет особое сродство с тою религией, пред которою все прочие еле-эле удерживают название *религии*;

- в платонизме пред нами самый могучий из ферментов культурной жизни [5, с. 406–409].

После таких, казалось бы, весьма убедительных аргументов для понимания того, что такое платонизм, П.А. Флоренский вдруг заявляет, что он не берется отвечать, что такое платонизм, потому что это превышает силы современного знания. Более того, платонизм нельзя определить даже формально, заявляя, что он – учение Платона: нет, платонизм и шире учения Платона, и глубже его, хотя в Платоне нашел себе лучшего из выразителей [5, с. 407]. Рискнем предположить, что введенный нами термин «платоносфера» как раз и обращает внимание на то обстоятельство, что понятие «платонизм», а тем более «платоносфера», гораздо шире, чем просто понятие «учение Платона» [4, с. 174].

Примечательно, что П.А. Флоренский сомневается в правомерности указания на ограниченность «современного знания», акцентируя внимание на том, что трудность ответа о платонизме заключается не только от сложности этого явления, но и от его существа. Признание того факта, что платонизм является исходным пунктом многих направлений мысли, каждое из которых представляет собой высокую степень широты, побуждает поставить следующие правомерные вопросы:

- во-первых, не должен ли платонизм быть таким глубоким движением духа, которому уже нет иного наименования, кроме как символическое, уясняемое через себя, а не через иное;

- во-вторых, в таком случае, не правильнее ли разуметь платонизм не как определенную, всегда равную себе систему понятий и суждений, но как некоторое духовное устремление, как указующий перст от земли к небу, от долу – горе? [5, с. 407].

В таком случае, продолжает П.А. Флоренский, делается понятной неисчерпаемость этого неистребимого порыва нашей души к небесам, этого взлета в миры иные. Даже у самого Платона каждый из его диалогов представляет несколько иное построение мысли и дает своеобразную окраску основным терминам, нежели другой. Тем более это относится к прочим выразителям платонизма. Многообразность попыток выразить основное устремление платонизма свидетельствует не против, а за него – свидетельствует о богатстве жизни и богообразности человека. И тогда получается, что термины платонических систем мысли перестают быть в строгом смысле терминами, а становятся живыми символами внутренних движений [5, с. 407–408].

Сформулировав целый ряд вопросов, лежащих на дне споров об универсалиях: «Что действительно? Что познаваемо? Что ценно? Данный ли, здесь и теперь переживаемый, момент, или нечто, хотя и соотносящееся с ним, но вечное и вселенское? На чем строится жизнь? На что опирается познание? Есть одно ли только дальнее, или и горнее, более сего дальнего действительно?», П.А. Флоренский утверждает, что всякое признание мира горнего неизбежно влечет мысль к платонизму, в том или ином видоизменении, а всякое прилепление к миру дальнему – к отрицанию платонизма [5, с. 409–410].

По П.А. Флоренскому, основным затруднением философии является проблема единства во множестве, по сути дела, ставшая основной в греческой философии. Причем, такие проблемы как атомы и пустота, индивид и среда, дискретность и сплошность, прерывность и непрерывность – это все лишь видоизменения основной проблемы единства во множестве [5, с. 417].

П.А. Флоренским настойчиво подчеркивается, что формула «единство во множестве» есть намек на основной вопрос всей греческой философии и что эта формула есть мирочувствие, лежащее в основе идеализма [5, с. 41–419]. Средневековая мысль, по П.А. Флоренскому, воспользовалась формулой Платона, согласно которой знание только там, где единое расширяется на многое, образуя единство во множестве, как определяет Платон идею, иначе говоря, знание только там, где единое во многом, по другому определению идеи Платоном [5, с. 410].

Традиционно считается, что спор об универсалиях это прерогатива средневековой философии. Однако П.А. Флоренский утверждает, что проблема универсалий есть вершина основной проблемы философии, и надо ничего не понимать в филосо-

фии, чтобы не видеть этой проблемы [5, с. 417]. Как видим, он считает эту проблему характерной для философии как таковой, а не только для какого-то определенного этапа ее многовекового развития.

Если же брать дело по существу, замечает П.А. Флоренский, то спор об универсалиях был душою всей античной философии. При этом антиномия среды и индивида – единое и все – возбуждает греческую мысль еще до Платона. Но именно с установкой идеализма у Платона, споры об универсалиях принимают более отчетливый характер, как в Академии уже при жизни ее основателя, так же и вне ее оград. А в диалогах Платона, особенно позднейших, попадаются соображения, направленные против тех или иных аргументаций теории идей.

П.А. Флоренский склонен полагать, что эти соображения есть отражение брожения, происходившего в школе Платона, настолько серьезного, что теоретические несогласия побудили Аристотеля уйти из состава преподавателей Академии и основать свою собственную школу. П.А. Флоренский замечает при этом, что речь в данном случае не идет о враждебности между Платоном и Аристотелем, просто налицо факт разногласия по вопросу о природе идей [5, с. 412]. В связи с этим вспомним знаменитое высказывание Аристотеля: «Платон мне друг, но истина дороже», которое во всей полноте и определенности отражает суть взаимоотношений двух великих философов – мудрого учителя и благодарного, но самостоятельного мыслящего ученика. По мнению П.А. Флоренского, разногласия между ними были не столь велики, чтобы перестать считать Аристотеля идеалистом, но они достаточны для того, чтобы признать учение Аристотеля о формах за особый тип идеализма.

Согласно П.А. Флоренскому, на первый взгляд, между *формами* Аристотеля и *идеями* Платона залегает непроходимая пропасть, но более внимательное вглядывание делает явным, что это разногласие идет не о существе дела. В целом, он считает, что Платоновская концепция гораздо шире Аристотелевской, тогда как последняя представляет собой лишь частный случай первой. Поэтому, в одних своих истолкованиях Платоновская концепция может быть весьма сближена с Аристотелевской, в других же – весьма отдалена [5, с. 422].

Вознамерившись оглядеть некоторые позиции идеализма, П.А. Флоренский приходит к следующим выводам:

- первая позиция, важная, возникает при обсуждении проблемы корней бытия и связей мира дольного с миром горным в собственном и точном смысле, т.е. мира божественного [5, с. 419]. Но, на наш взгляд, представление мира горного (*мира идей* – Л.П.) исключительно как мира божественного, отнюдь не следует с такой очевидностью из учения Платона, как это преподносит П.А. Флоренский. Здесь налицо как раз откровенное религиозное толкование П.А. Флоренским мировоззрения Платона, на что мы обращали внимание, приводя в начале статьи слова О.Т. Ермишина;
- собственно философии ближе, отчасти иные, отчасти более формальные, вопросы, возникающие при обсуждении соотношения единого индивида с другими индивидами; с точки зрения реализма, индивиды не вполне разобщены, не так разобщены, как то кажется. Ответ на вопрос что означает утверждение о неполной обособленности индивидов, может быть двоякий, который порождает двоякое понимание термина универсалии, двоякое понимание слова *идея*, т.е. того, в чем именно индивиды не разобщены [5, с. 419].

П.А. Флоренский убежден, что набросанные им контуры идеализма были бы слишком бедны и сухи, если не сделать их более близкими нашему жизненному опыту. В то же время и платоновские идеи остались бы слишком формальными требованиями гносеологии, если не постараться показать хотя бы нечто подобное им. Поскольку всякий акт жизни синтетичен, как синтетичен и всякий акт познания, следовательно, он пронизан идеальным началом. На конкретных переживаниях можно, полагает П.А. Флоренский, пояснить, что в опыте жизни антиномия идей вовсе не представляется чем-то неожиданным [5, с. 423–424].

Главной своей задачей П.А. Флоренский считает не отвлеченную защиту идеализма, как доктрины, а разъяснение его смысла для жизневоззрения и в жизненности. С этой целью он обращается к точке исхода, то есть к ж и з н и. Идеализм говорит «да» жизни, ибо именно жизнь и есть непрерывное осуществление единого во многом. Поэтому, если спрашивать себя, из чего могло образоваться учение об идеях, то самое пригодное для объяснения сводится к тому, что – это живое существо, которое есть наиболее наглядное проявление идеи [5, с. 424].

Обратившись к мыслям об искусстве знаменитого французского скульптора, одного из основоположников импрессионизма в скульптуре – Огюста Родена, П.А. Флоренский констатирует, что в художественных произведениях просвечивает мир идей или универсалий [5, с. 424–426]. Следующей ступенью в разъяснении природы идей он рассматривает мысли Бродера Христиансена, немецкого философа, принадлежащего к баденской школе неокантианства, автора книги «Философия искусства». В результате делается вывод о том, что обсуждение проблемы портрета, т.е. в сущности проблемы лика, приближает нас к пониманию идеи, как некоторому единству во многом, а запечатление человеческого лика в портрете – это и есть доступная внешнему созерцанию идея данного лица [5, с. 427–429].

П.А. Флоренский напоминает, что:

- античный идеализм исторически вырос именно на Сократовом открытии для философии ч е л о в е к а и на исследовании человеческой природы;
- для античности вообще, а для Сократа – в особенности, человек был альфой и омегой жизнепонимания;
- особую антропоцентричность эллинского мирозерцания во втором периоде развития античной философии;
- останавливая внимание на исконной чуткости эллинов к красоте человеческого тела, – учитывая все это, мы непременно догадываемся, что именно на лике «ориентирован» идеализм и что, следовательно, идея связана с ликом гораздо более тесно, нежели чем просто с одним из разъясняющих примеров;
- идея есть л и ц о л и ц а, или лик. Такая догадка переходит в уверенность, если только мы потрудимся этимологически обсудить слово, ставшее в языке идеализма коренным – именно технический термин «эйдос» или «идея» [5, с. 448–449].

Значит, идея Платона, делает вывод П.А. Флоренский, это – вид, но не сам по себе, а как дающий познание того, чей или чего он есть вид. Идея – это лицо реальности и, по преимуществу, лицо человеческое, но не в своей эмпирической случайности, а в своей познавательной ценности, т.е. л и к человека [5, с. 450].

Определенный интерес представляет обращение П.А. Флоренского к семасиологии (раздел языкознания, изучающий значения слов и выражений и изменения этих значений). Приведем только один интересный пример. Оказывается, что у Гомера слово «эйдос» встречается не менее 66 раз, причем: в «Илиаде» – 19 раз, в «Одиссее» – 30, в шести (из тридцати трех) гимнах – 17 раз [4, с. 452]. Интересно отметить не только скрупулезный подсчет упоминаний слова «эйдос», но и перечень мест у Гомера, где оно употреблено, приведенный П.А. Флоренским в примечаниях. Кроме того, слова «эйдос» и «идея» встречаются у многих античных авторов, например, у Эсхила, Софокла, Пиндара, Геродота, Еврипида, Фукидида, Аристофана и других. Причем слово «идея» особенно употребимым сделалось в риторике, где им именуются качества словесных произведений.

П.А. Флоренский опять настаивает на религиозном толковании мировоззрения Платона, подчеркивая, что тот говорит о каких-то религиозных ценностях и что загадочное появление в философии слов «идея» и «эйдос» имеет какую-то долгую, подземную историю, которая скрывается в святилищах тайных культов [5, с. 454].

В качестве кратких выводов мы можем сказать следующее:

- нами представлен здесь анализ работы П.А. Флоренского исключительно под ракурсом того, как он рассматривает платонизм;

- в данной работе одного из крупнейших отечественных платоников нашло отражение его стремление не только предельно сблизить платонизм и идеализм, но и дать мировоззрению Платона религиозное толкование;
- говоря о наличии двух миров, дольного и горнего, П.А. Флоренский утверждает, что всякое признание мира горнего неизбежно влечет мысль к платонизму;
- предлагая развернутую характеристику того, что представляет собой платонизм, исходя из того, что образованные, сведущие люди о нем уже знают, П.А. Флоренский на этом не останавливается, а идет в своей работе дальше;
- главную свою задачу П.А. Флоренский видит в разъяснении смысла идеализма для мировоззрения и в жизненности, а не в отвлеченной его защите как доктрины;
- в возникновении античного идеализма, в т.ч. и платоновского, особая роль принадлежит Сократу, открывшему для философии человека;
- П.А. Флоренским настойчиво подчеркивается, что формула «единство во множестве» есть намек на основной вопрос всей греческой философии;
- спор об универсалиях не есть прерогатива средневековой философии, а принадлежность всей философии, в т.ч. и античной;
- особое внимание П.А. Флоренский уделяет понятиям «идея» и «эйдос», убедительно показывая, что они используются многими античными авторами.

Список литературы

1. Ермишин О. Т. Историко-философская концепция священника Павла Флоренского / О. Т. Ермишин ; сост. свящ. Павел Флоренский, игумен Андроник (Трубачев) ; Музей свящ. Павла Флоренского, Акад. гуманитар. исслед. // Из истории античной философии. – М. : Гуманитарий, 2007. – 597 с. – С. 12–13. – (Мировая философская мысль).
2. Лосев А. Ф. Жизненный и творческий путь Платона : пер. с древнегреч. / А. Ф. Лосев ; общ. ред. А.Ф. Лосева и др.; авт. вступит. статьи А. Ф. Лосев; примеч. А. А. Тахо-Годи // Платон. Собрание сочинений : в 4 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 3–4.
3. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А. Ф. Лосев ; сост. А. А. Тахо-Годи; общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. – М.: Мысль, 1993. – С. 692–693.
4. Подвойский Л. Я. Платоносфера / Л. Я. Подвойский ; под ред. П. Л. Карабущенко // Вопросы элитологии: философия, культура, политика. Ежегодный альманах Астраханского элитологического сообщества. – Астрахань, 2005. – Т. 2. – С. 174.
5. Флоренский П. А. Смысл идеализма / П. А. Флоренский ; сост. свящ. Павел Флоренский, игумен Андроник (Трубачев); Музей свящ. Павла Флоренского, Акад. гуманитар. исслед. // Из истории античной философии. – М.: Гуманитарий, 2007. – 597 с. – (Мировая философская мысль).

References

1. Yermishin O. T. Istoriko-filosofskaya kontseptsiya svyashchennika Pavla Florenskogo / O. T. Yermishin ; sost. svyashch. Pavel Florenskiy, igumen Andronik (Trubachev) ; Muzey svyashch. Pavla Florenskogo, Akad. gumanitar. issled. // Iz istorii antichnoy filosofii. – M. : Gumanitariy, 2007. – 597 s. – S. 12–13. – (Mirovaya filosofskaya mysl).
2. Losev A. F. Zhiznennyi i tvorcheskii put Platona : per. s drevnegrech. / A. F. Losev ; obshch. red. A.F. Loseva i dr.; avt. vstupid. stati A. F. Losev; primech. A. A. Takho-Godi // Platon. Sobranie sochineniy : v 4 t. – M. : Mysl, 1990. – T. 1. – S. 3–4.
3. Losev A. F. Ocherki antichnogo simbolizma i mifologii / A. F. Losev ; sost. A. A. Takho-Godi; obshch. red. A. A. Takho-Godi i I. I. Makhankova. – M.: Mysl, 1993. – S. 692–693.
4. Podvoyskiy L. Ya. Platonosfera / L. Ya. Podvoyskiy ; pod red. P. L. Karabushchenko // Voprosy elitologii: filosofiya, kultura, politika. Yezhegodnyy almanakh Astrakhanskogo elitologicheskogo soobshchestva. – Astrakhan, 2005. – T. 2. – S. 174.
5. Florenskiy P. A. Smysl idealizma / P. A. Florenskiy ; sost. svyashch. Pavel Florenskiy, igumen Andronik (Trubachev); Muzey svyashch. Pavla Florenskogo, Akad. gumanitar. issled. // Iz istorii antichnoy filosofii. – M.: Gumanitariy, 2007. – 597 s. – (Mirovaya filosofskaya mysl).